

с. 103, Q № 6. Рукопись правильнее датировать второй половиной XVI—XVII вв. Писцы: I — Герасим Влах (отождествлено по почерку⁹), лл. 1—10 об., 184—192, 195—210, 211—213 об. (?), 214—227 об.; II — лл. 11—55; III — лл. 57—68 об.; IV — Антоний Епископопулос (отождествлено по почерку¹⁰), лл. 69—98 об., 99 об.—110, 113—162 об., 163 об., 164—174; V — л. 99—99 об.; VI — лл. 163, 164; VII — лл. 175—182 об. Без текста также лл. I—IV об., 11, 21 об., 56а—56а об., 183—183 об., 183а—в, 210 об., 228—233 об.

с. 134—135, Дмитр. № 24. Запись 1690 г. говорит о вкладе рукописи в храм нежинской греческой общины.

с. 135, РАИК № 179. Рукопись определяется в каталоге как «Сборник риторический». Однако это неверно, так как из почти 200 листов кодекса лишь лл. 1—22 об. заняты четвертой книгой трактата «Περὶ τέχνης ῥητορικῆς», все же остальные тексты содержат либо трактаты об искусстве писать письма (лл. 22 об.—39 об., 40—49), либо письма отдельных лиц. Текст на лл. 86—197 определен суммарно как «Письмовник»; между тем письмовник в собственном смысле слова находится на лл. 86—102, на лл. 107—127 об. переписаны 16 посланий Иосифа Вриенния, на лл. 128—160 об. — письма Георгия Лекапина, на лл. 162—182 об. — письма Ливания и т. д.

Сборник писан четырьмя писцами: I — лл. 1—91 об., 128—160 об.; II — лл. 92—102; III — лл. 107—127 об., 162—182 об.; IV — лл. 183—199 об., V об. (конечный). Владдельческую помету на л. 1 следует читать так: Παύλου Βλαστάρη Λεσβίου 1673 νοε μβρίου 23.

с. 136—137, РАИК № 169 и с. 155—156, РАИК № 170. Текст толкований Феофила Коридалева на «Метафизику» Аристотеля см.: Théophile Corydalée. Commentaires à la Métaphysique. Bucarest, 1973.

с. 139—140, Дмитр. № 9. Предположение И. Н. Лебедевой о принадлежности синодика «греческой церкви в России» абсолютно верно: это синодик греческой общины в Нежине. На л. 1 не «проминаются... (Лихуды?)», а сама запись сделана Иоанником Лихудом (отождествлено по почерку¹¹).

с. 148, Дмитр. № 7. В каталоге указано, что записи церковных треб доведены до 1754 г. В действительности последняя запись датирована 27 августа 1738 г.

с. 152—153, РАИК № 140. В изданный текст записи писца нужно внести следующие исправления: 3-я строка — διὰ προσταγήν (вм. προσταγμα); последняя строка — τῆς ἐν Βουκορεστίῳ ἀθηνεϊκῆς σχολῆς καὶ δούλου πιστοτάτου τῆς αὐτοῦ ὑψηλότητος.

с. 162, Дмитр. № 16. лл. 52—55 — Πίναξ τοῦ παρόντος βιβλίου.

с. 163—165, F № 3. К библиографии рукописи нужно добавить еще две работы, появившиеся после выхода в свет рецензируемого каталога: И. П. Медведев. Византийские и поствизантийские копиянные книги. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, VI, 1974, с. 308—309; Б. Л. Фонкич. Николай Караджа и Ленинградский сборник византийских документов (Из истории византийской дипломатики). — ВВ, 37, 1976, с. 140—146.

с. 165—166, РАИК № 151. На л. 96 об. — не имя писца XVIII в., а имя торговца рукописями Хаджи Димитрия (см. с. 170, собр. Никольского № 118).

с. 172—173, O № 185. Владдельческая помета на л. 1 читается так: Καὶ ὁδε οὖν τοῖς ἄλλοις Γρηγορίου Μπασαράμπα Μπραχοζάνου.

Б. Л. Фонкич

E. Cruikshank Dodd. Byzantine Silver Treasures, Abegg Stiftung. Bern, 1973, 76 p., XV pl.

В работе Э. Круиксханк Додд «Византийские серебряные изделия. Собрание Абегг» рассматриваются десять ранневизантийских памятников, несколько лет назад

⁹ Ср.: Τατάκης Β. Ν. Γεράσιμος Βλάχος ὁ Κρής (1605/7—1685), φιλόσοφος, Θεολόγος, φιλόλογος. Βενετία, 1973, πιν. 2.

¹⁰ Ср.: Omont H. Facsimilés de manuscrits grecs des XVe et XVIe siècles. Paris, 1887, pl. 4.

¹¹ Ср.: ГБЛ, ф. 173, № 329.

вошедших в это собрание¹. Это два кувшина, лампада, два потира, два диска, сосуд с «бусинным» краем, ложка, печать, согласно надписи принадлежавшая Иоанну, епископу Кирении. Все перечисленные предметы были найдены в Сирии: кувшины происходят из известного клада, обнаруженного еще в начале XX в. в Рихе, лампада найдена в Стуме, потиры, диски и печать, а также крест, находящийся ныне в собрании Думбартон Окс², — в районе Латакии, а сосуд с «бусинным» краем и ложка были открыты в 1962 г. в Северной Сирии в составе большого клада, другие вещи из которого попали затем в музеи Виргинии³ и Кливленда⁴ и в коллекцию П. Меллона.

Некоторые из перечисленных памятников известны по предварительным публикациям⁵, другие — потиры, дискос с изображением креста и четырех райских рек, печать епископа Иоанна — издаются и исследуются впервые.

Книга Э. Круиксханк Додд делится на две части: каталог и специальный раздел, озаглавленный «Императорские мастерские по обработке серебра и мастерские Сирии». Расположение вещей в каталоге не подчинено хронологическому принципу. Вначале помещены наиболее значительные памятники VI в. — кувшины и лампада, датируемые клеймами: первые — временем Маврикия Тиберия (582—602), вторая — временем Тиберия Константина (578—582); затем — дискос без клейм с изображением гологофского креста и райских рек. Названные предметы интересны прежде всего своими посвященными надписями, в которых упоминаются те же лица, что и на известных дискосах со сценами евхаристии из Рихи и Стумы.

Автор прослеживает карьеру одного из видных константинопольских сановников — Мегала, ставшего за 20 лет экс-консулом, патриком и куратором⁶. Э. Круиксханк Додд интересуют также возможные взаимоотношения Мегала с аргиропротом Сергием, ставшим со временем трибуном. Она высказывает предположение, что Мегал, донатор дискоса со сценой евхаристии и кувшинов из Рихи, и Мегал, имя которого в виде монограммы присутствует на блюде, поднесенном аргиропротом Сергием (клад из Стумы), — одно и то же лицо. Отсюда делается вывод, что Мегал, будучи причастным к клеймению серебра в период между 577 и 582 гг., мог своей властью выдать Сергию серебряное блюдо с пятью клеймами, но без изображений. Тот же скопировал дискос, ранее поднесенный Мегалом, кое в чем видоизменив детали изображения и выполнив его еще более условно, чем это было в оригинале. В результате, по мнению Э. Круиксханк Додд, первый дискос (из Рихи) может рассматриваться как образец столичного стиля, а второй (из Стумы) — провинциального сирийского⁷.

Характеризуя ту часть книги, которая содержит каталог, следует прежде всего отметить значение интересного, вновь введенного в науку материала и ценность любопытных, хотя и не беспорных выводов.

Эта часть работы, однако, не лишена отдельных недостатков. Хотя автор при исследовании каждого конкретного памятника стремится дать исчерпывающий список аналогий и использованной литературы, в книге не учтены как некоторые специальные работы, так и отдельные памятники, иконографически и стилистически близкие рассматриваемым. Так, Э. Круиксханк Додд, очевидно, неизвестна работа А. В. Банк «К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства»⁸,

¹ *Cruikshank Dodd E. Byzantine Silver Treasures. Abegg Stiftung. Bern, 1973* (далее — BST), p. 5.

² *Ross M. C. Catalogue of the byzantine and early mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, vol. I. Washington, 1962, N 14.*

³ *Ross M. C. Luxuries of the Eastern Empire. Arts in Virginia, t. VIII, N 1-2. Richmond, 1967—1968, p. 56—59.*

⁴ *Wizom W. D. A mystery Spoon from the fourth Century. — «Bulletin of the Cleveland Museum of Art», 1970, May, p. 141—148.*

⁵ *Stettler M. Abegg-Stiftung. Bern in Riggisberg, 1968, N 22, 24; Stettler M., Otavsky K. Abegg-Stiftung. Bern in Riggisberg, Bern, 1971, Taf. 13; Ross M. C. Luxuries of the Eastern Empire, p. 58—59, fig. 4.*

⁶ BST, p. 10—11; см. также специальную статью: *Cruikshank Dodd E. Byzantine Silver Stamps: Supplement II. — DOP, XXII, 1968, p. 143—149.*

⁷ BST, p. 48.

⁸ *Банк А. В. К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства. — В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967, с. 77—83.*

где детально рассматриваются обе патены из Рихи и Стумы и приводятся доводы в пользу значительной роли Сирии в византийском искусстве. Кроме того, приводя многочисленные аналогии, среди которых фигурируют серебряные предметы с изображениями в медальонах, Э. Круиксханк Додд не отмечает, что отдельные сопоставления эмесской вазы, херсонесского реликвария, кливлендских потиров и некоторых других памятников уже имели место в работах Н. М. Беляева⁹, А. В. Банк¹⁰, В. Ф. Фольбах¹¹, Е. Кош де ля Ферте¹², Ж. Леруа¹³. Кроме того, автором не учитываются четыре предмета с изображениями в медальонах, которые, по нашему мнению, примыкают к названной группе: два медальона, украшавшие крест, с изображениями благословляющего Христа (найден в Хаме), фрагмент реликвария с изображениями богородицы и Христа¹⁴ (найден в Антиохии) и потир, почти аналогичный кливлендским (недавно появившийся в Лондоне на антикварном рынке)¹⁵.

Датировка потира (№ 5 каталога), украшенного шестью стоящими рельефными фигурами, VI веком недостаточно обоснована и не может быть решена без ответа на вопрос о том, существовали ли в столь раннее время изображения святых воинов, представленных в воинском обличье. Привлекая в качестве аналогии кливлендские потиры, автор определяет их датировку — VI в., ссылаясь на Г. Доуни. Вывод Доуни, однако, не столь категоричен: «Данные надписи на кливлендском серебре, самые тексты по своему содержанию и характеру начертания букв не дают решающих оснований для датировки их между IV и VII вв.»¹⁶. Что касается точки зрения Л. Брейе, датировавшего эти предметы концом IV—началом V в.¹⁷, то она автором не рассматривается вовсе.

Также далеко не бесспорны переводы некоторых посвятельных текстов. Надписи на дискозе (№ 7 каталога) и на кресте из Думбартон Окс переводятся Э. Круиксханк Додд соответственно следующим образом: 1. «Во спасение и за упокой Сабинианы, Марфы и Марии в церковь Богородицы в деревне Фела» — ΥΠΕΡ ΣΩΤΗΡΙΑΣ Κ(ΑΙ) ΑΝΑΠΑΥΣΕΩΣ ΣΑΒΙΝΙΑΝΗΣ Κ(ΑΙ) ΜΑΡΘΑΣ Κ(ΑΙ) ΜΑΡΙΑΣ ΤΗΣ ΘΕΟΤΟΚΟΥ ΚΩΜ(ΗΣ) ΦΕΛΑ; 2. «В пресвитерство Иоанна подношение в церковь Богородицы в деревне Фела» — ΕΠΙ ΙΩΑΝΝΟΥ ΠΡΕΣΒΥΤΕΡΟΥ ΤΗΣ ΘΕΟΤΟΚΟΥ Κ(Ο)Μ(Η)Σ ΦΕΛΑ. Однако если название места, данное к тому же в родительном падеже, следует за именами донаторов, то обычно его принято трактовать как место происхождения последних¹⁸, а не как место нахождения храма, в который приносится дар. Едва ли также правильно переводить в данном случае *χώμη* *Фéла* как «деревня (village) Фела», поскольку словом *χώμη* нередко назывались небольшие, необнесенные стенами города или отдельные кварталы города¹⁹. Некоторые монастырские комплексы Северной Сирии также иногда назывались *χώμαι*²⁰. Наиболее вероятно предположить, что именно таким религиозным центром и была Фела; тогда станет понятным и ее название «τῆς Θεοτόκου».

Едва ли также правильно считать, что *лицо*, обозначенное в надписях на подношениях Мегала в родительном падеже как *Νόβου*, — жена Мегала.

⁹ Беляев Н. М. Очерки по византийской археологии. II. Херсонесская мощехрани- тельница. — SK, III, 1929, с. 125—128.

¹⁰ Banck A. Monuments des arts mineurs de Byzance (IVe—VIIe siècles) au Musée de l'Ermitage. — В кн.: IX Corso di cultura sull'arte ravennata e bizantina. Ravenna, 1962, p. 114; Банк А. В. Указ. соч., с. 82.

¹¹ Volbach W. F. Frühchristliche Kunst. Die Kunst der Spätantike im West und Ostrom. München, 1958, S. 91.

¹² Coche de la Ferté E. L'antiquité chrétienne au Musée du Louvre. Paris, 1958, p. 107.

¹³ Leroy J. Les manuscrits syriaques à peintures conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'Orient. Paris, 1964, p. 49—50.

¹⁴ Coche de la Ferté E. Op. cit., N 41, 45.

¹⁵ «The Burlington Magazine», vol. CXV, N 843, June, 1973, p. 30.

¹⁶ Downey G. The Dating of the Syrian Liturgical silver Treasure in the Cleveland Museum. — «Art Bulletin», XXXV, N 2, 1953, p. 144.

¹⁷ Bréhier L. Un trésor d'argenterie ancienne au Musée de Cleveland. — «Syria», t. XXVIII, 1951, p. 256—264.

¹⁸ Diehl Ch. Un nouveau trésor d'argenterie syrienne. — «Syria», t. VII, 1926, p. 112.

¹⁹ «Thesaurus Graecae Linguae», s. v.

²⁰ Seyring H. Inscriptions grecques. Villages antiques de la Syrie du Nord, vol. III. Paris, 1958, appendice II, p. 7—9.

Второй раздел книги посвящен локализации описанных в каталоге памятников и в связи с этим — вопросу о роли Сирии в ранневизантийском искусстве. Не касаясь всех аспектов этой проблемы, автор тем не менее считает возможным говорить о незначительной роли сирийцев в формировании иконографических принципов византийского искусства и сложении стиля; им отводится только роль посредственных копиистов столичных изделий²¹. К этим выводам Э. Круиксханк Додд приходит, сопоставляя по стилистическим и техническим признакам две пары предметов: блюда и рихиды из Рихи и Стумы. По ее мнению, предметы, найденные в Рихе, выполнены в Константинополе и являются характерными образцами столичного искусства, предметы же из Стумы — их копии, изготовленные в Сирии. Наличие пяти клейм на тех и на других объясняется возможными взаимоотношениями между причастным к клеймению серебра Мегалом и аргиропратом Сергием. Утверждая, что клейма не могут служить точным указанием на место декорирования вещи, автор противоречит своим же заключениям, сделанным в специальной работе о византийских клеймах на серебре²².

Данные письменных источников о художественной обработке металла в Сирии византийского времени²³ не подтверждают наблюдений исследовательницы об упадке ремесла в VI в. и о невозможности производства в это время высокохудожественных изделий из дорогих металлов. Кроме того, выводы Э. Круиксханк Додд не представляются нам убедительными по двум существенным пунктам: а) они сделаны только на основании анализа памятников VI в., б) из их числа произвольно исключены некоторые важные образцы сирийской гонимости, как, например, потир с изображением апостолов из Галереи Уолтера в Балтиморе. Заключение о том, что патрикий Мегал мог передавать жившему в Сирии аргиропрату Сергию клейменные в Константинополе предметы для их последующей обработки, представляется любопытной, но никак серьезно не аргументированной гипотезой.

Между тем обращение к сирийским изделиям из металла и других материалов позднеримского и ранневизантийского времени позволяет установить, что грубоватый, экспрессивный стиль изображений и особый характер интерпретации иконографических изводов, за которым укрепилось название «исторического» и нарративного, возник именно в Сирии в соответствии с некоторыми догматическими установками сирийской школы богословия и был подготовлен всем изобразительным строем искусства предшествующего периода. Так, образцы сирийской скульптуры и глиптики²⁴, исполненные в так называемой «штриховой манере», показывают, что те стилистические принципы, которые Э. Круиксханк Додд приписывает Константинополю, имели достаточно глубокие сирийские корни. Непосредственными стилистическими предшественниками изделий из Рихи и Стумы можно считать изображения на реликварии из Исаврии, датируемой серединой V в., и на относящейся к тому же времени серебряной пластинке с изображением Богоматери из Хамы²⁵. Так же обстоит дело и с группой дисков с гравированным крестом в центре, которые Круиксханк Додд, не дифференцируя, относит к VI в.

Детальный анализ двух из них (из Галереи Уолтера и из Кливлендского музея)²⁶ позволяет отнести названные памятники к более раннему времени и уста-

²¹ BST, p. 53. В настоящее время эта точка зрения является достаточно распространенной.

²² *Cruikshank Dodd E. Byzantine silver Stamps. Washington, 1961.*

²³ См.: *Залесская В. Н. Письменные источники о художественной обработке металла в византийской Сирии.* — ПС, 19 (82), 1969, с. 185—194.

²⁴ *Abdul-Hak S. Catalogue illustré du département des antiquités gréco-romaines du Musée de Damas. Damas, 1951, p. 56, pl. IV, 1; pl. VIII, 1; pl. X; pl. XIII, 1—2; pl. XV, 1; pl. XVII, 1—2; pl. XIX, 1—2; pl. XXV; Parlasca K. Zur syrischen Kunst der frühen Kaiserzeit.* — «Archäologischer Anzeiger», Bd. 82, H. 4, 1968, S. 547—563; *Mouterde R. Objets magiques, recueil S. Ayvaz.* — «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», t. XXV, 1942/43, p. 105—126; *Festugière A. J. Pierres magiques de la collection Kofler (Lucerne).* — «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», t. XXXVII, 1960/61, p. 285—293.

²⁵ *Buschhausen H. Frühchristliches Silberreliquiar aus Isaurien.* — JÖBG, Bd. XI—XII, 1962—1963, S. 137—167, Abb. 1—4; *Grabar A. Un reliquaire provenant d'Isaurie.* — «Cahiers archéologiques», t. XIII, 1962, p. 57; *Ross M. C. A second byzantine silver treasure from Hamah.* — «Archaeology», t. III, N 3, 1950, p. 162—163, fig. 5.

²⁶ BST, p. 27—28, fig. 23—24.

новить их несомненную связь с Сирией. Формула посвяжительной надписи²⁷, характер начертания букв²⁸, а также местоположение и форма хризмы²⁹ (дискос из Галереи Уолтера) говорят в пользу датировки обоих памятников V в. На дискосе из Галереи Уолтера имеется греческая посвяжительная надпись, говорящая о том, что этот предмет — подношение святейшего (ἀγιώτατος)³⁰ архиепископа Амфилохия. Как свидетельствуют источники, в V в. известен только один церковный деятель, носивший это имя, — епископ Сиды (Памфилия)³¹. Он принимал участие в ожесточенных церковных спорах на третьем и четвертом вселенских соборах³², одно время был сторонником секты мессалиан и Нестория³³, затем примкнул к монофиситам. Известно, что Сидя, где находилась кафедра Амфилохия (426—458), была одним из значительных центров монофиситства в Малой Азии³⁴. Учитывая, что на многих предметах из того жеклада (Хама) имеются надписи, которые, как доказал Г. Доуни, взяты из литургии сирийских яковитов³⁵ (это обстоятельство нигде не отмечено в книге Э. Круиксханк Додд), можно предположить, что Амфилохий — епископ-монофисит и Амфилохий, упоминаемый в надписи на дискосе, тождественны. По заключению Г. Доуни, посвяжительные надписи, обычные для предметов, находимых на территории Сирии, — ὑπὲρ ἀναπαύσεως καὶ σωτηρίας («за упокой и во спасение») или ὑπὲρ ἐδύης καὶ σωτηρίας («по обету и во спасение») — входят в одну из молитв в отпустной части литургии яковитов³⁶. В этой молитве упоминание ἀνάπαυσις и σωτηρία сделано в указанном порядке и в том же смысле, как на вотивных блюдах.

Дискос из Кливлендского музея связан с Сирией как по месту находки, так и по месту посвящения: он был поднесен в храм св. Сергия в местности Венмисона (χω[ρί]ον Β[ε]νμισόνα или χω[ρί]ον Β[η]θημισόνα). Г. Доуни полагает, что здесь имеется в виду местность Venemssin в окрестностях Сидона, упоминаемая в сообщениях крестоносцев³⁷. Г. Сейриг, хотя и не определяет точно местоположение этого центра, тем не менее считает, что он должен был находиться в Сирии, на что указывают как его семитическое название, так и употребленный в посвяжительной формуле глагол προσήνεγκεν, характерный для ряда надписей на мозаиках V в. в Сирии³⁸.

Таким образом, анализ этих двух памятников позволяет установить, что данный тип дискосов сложился в Сирии в V в. и был связан с литургией монофиситов. Что касается образцов VI в., имеющих клейма, то они были изготовлены в Константинополе, но, по всей вероятности, также использовались для нужд литургии яковитов. На такую возможность прямо указывает ряд данных, содержащихся в истории Иоанна Эфесского. Иоанн Эфесский сообщает о многочисленных общинах монофиситских монахов в Константинополе и об основанном ими в начале VI в. монастыре, имевшем свою церковь и ксенодохию³⁹. В этой церкви,

²⁷ *Beaudouin M., Pottier E. Collection de M. Péretié. Inscriptions. — BCH, t. III, 1879, N. 18—21; Seyrig H. Antiquités syriennes. — «Syria», t. XXV, 1939, p. 194.*

²⁸ *Diehl Ch. Op. cit., p. 115; Bréhier L. Op. cit., p. 256—261.*

²⁹ *См.: Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, fasc. XXVIII—XXIX. Paris, 1912, col. 1486—1533.*

³⁰ Термин, обычный для архиепископа; см.: *Jarry J. Trouvailles épigraphiques à Saint Symeon. — «Syria», t. XLIII, fasc. 1—2, 1966, p. 105—114; Avi-Jonah M. An Addendum to the Episcopal List of Tyre. — «Israel Exploration Journal», vol. 16, N 3, 1966, p. 209—210.*

³¹ *Jalabert L., Mousterde R. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, vol. V. Paris, 1959, p. 33.*

³² *Mansi J. D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, vol. V, col. 587, vol. VII, col. 16.*

³³ *PG, t. 103, col. 88—89.*

³⁴ *Honigmann E. Evêques et évêchés monophysites d'Asie antérieure au VI-me siècle. — «Corpus scriptorum christianorum orientaliu», vol. 127. Subsidia», t. 2. Louvain, 1951, p. 134—136.*

³⁵ *Downey G. The Inscription on a silver Chalice from Syria in the Metropolitan Museum of Art. — AJA, vol. 55, 1951, N 4, p. 349—352.*

³⁶ *Brightmann F. E. Liturgies Eastern and Western, vol. I. Oxford, 1896, p. 105—106.*

³⁷ *Downey G. The Dating of the Syrian Liturgical silver Treasure, p. 144.*

³⁸ *Seyrig H. Op. cit., p. 39.*

³⁹ *Дьяконов А. П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, с. 58, 83—87.*

несомненно, должны были находиться необходимые при литургии культовые предметы. Нам представляется, что появление в Константинополе церковной утвари с надписями, характерными для литургии сирийских яковитов, и имеющей изображения, выполненные в стиле, явно чуждом изделиям столицы, следует объяснять влиянием значительной монофиситской общины. Едва ли это влияние могло стать органической частью столичного искусства, вероятнее всего, оно так и осталось чужеродным элементом.

Для понимания стиля и иконографии сирийских серебряных изделий VI в. особенно важен потир из Галереи Уолтера с изображениями фигур апостолов под арками. Относительно этого памятника Э. Круиксханк Додд ограничивается кратким замечанием о том, что этот предмет, хотя и не имеет клейм, выполнен в Константинополе, а не в Сирии⁴⁰. Однако детальный анализ памятника позволяет доказать обратное. В верхней части потира имеется посвятельная надпись: + ΕΥΧΗ ΠΕΛΑΓΙΟΥ ΒΑΣΙΑΝΟΥ ΚΕΜΕΛΙΟΝ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΣΕΡΓΙΟΥ ΚΩΜΝΗ ΚΑΠΡΟΚΟΡΑΩΝ («обет Пелагия Басиана, сокровище св. Сергия из селения Капрокораон»). Упоминание этой же местности, правда в различной транскрипции (*καπροκοράων*, *καπερκοράων*, *καπροκοράον*, *καπροκλοκοράον*), в посвящениях св. Сергию фигурирует на различных серебряных предметах, найденных в Хаме: потире без изображений, кувшине, двух подсвечниках⁴¹. Обращаясь к интересующему нас памятнику, следует отметить, что уже Ш. Диль обратил внимание на то, что слова ΕΥΧΗ ΠΕΛΑΓΙΟΥ ΒΑΣΙΑΝΟΥ выгравированы немного выше над линией, чем остальная часть надписи, и исполнены хуже; между началом и концом надписи оставлено непропорционально большое пространство⁴². К этим наблюдениям Ш. Диль следует еще добавить, что крест, начинающий надпись, и крест, ее завершающий, различаются как по форме, так и по характеру гравировки: крест в конце дан пунктиром, крест в начале — сплошными линиями. Расстояния между буквами в первой части надписи малы, буквы почти вплотную примыкают друг к другу; во второй части буквы расположены свободно и почти через равные интервалы. Создается впечатление, что первые три слова присоединены к существовавшей надписи позднее, по всей вероятности, по желанию дарителя, который приобрел чашу с уже существовавшим на ней посвящением св. Сергию и названием *καπροκοράων*. Данный пример показывает, что подобные votivные предметы изготовлялись впрок, на них была только надпись, указывавшая характер подношения, а имя дарителя добавлялось позднее. Учитывая, что это имя первоначально отсутствовало в надписи, а клад, из которого происходит рассматриваемый потир (23 серебряных предмета), вероятнее всего, мог принадлежать самому известному в Сирии храму св. Сергия, а именно храму св. Сергия в Резафе⁴³, следует заключить, что данное географическое название может относиться только к центру, где вещь была выполнена. Κώμη Καπροκοράων (*Каπερκοράων*), таким образом, может рассматриваться как место изготовления исследуемого памятника и, следовательно, всех других вещей с тем же названием из клада в Хаме. *Καπροκοράων* или *Καπερκοράων* — родительный множественного числа греческого названия места, воспроизводящий арамейское Караг Qora или Карег Qara⁴⁴. Последнее могло бы относиться к городу Κάρα (античный Καρόπολις)⁴⁵.

Исследования Г. Сейрига, а также Л. Жалабера и Р. Мутерда показывают, что филологически такое превращение возможно (пример Г. Сейрига: *Καπροζάρα* — El-Bara). Поскольку отпадение первой части слова (греч. *Καπρο*, араб. Караг (Karrer), араб. Karr) довольно часто встречается в названиях ряда центров в Сирии⁴⁶, можно полагать, что город Κάρα, находившийся на дороге, ведущей в Резафу —

⁴⁰ BST, p. 54.

⁴¹ *Diehl Ch. Op. cit.*, pl. XXVIII, XXIX; *Jalabert L., Mouterde R. Op. cit.*, vol. VI. Paris, 1959, p. 39, N 2045.

⁴² *Diehl Ch. Op. cit.*, p. 106.

⁴³ С такой атрибуцией согласны все исследователи вещей из данного клада, в том числе и Э. Круиксханк Додд; см.: BST, p. 56—57.

⁴⁴ *Jalabert L., Mouterde R. Op. cit.*, vol. VI, p. 32.

⁴⁵ *Dussaud R. Topographie historique de la Syrie antique et médiévale.* — Bibliothèque archéologique du Haut-Commissariat, IV. Paris, 1927, carte X (в этом случае слово *κώμη* следует понимать как небольшой город).

⁴⁶ *Seyrig H. Op. cit.*, p. 7—9, 162.

Сергиополь, был интересующим нас центром. Он находился вблизи Сергиополя, к тому же на дороге, которой пользовались паломники, следовательно, его мастера вполне могли снабжать последних необходимыми им вотивными вещами. Таким образом, зная, что рассматриваемый памятник был сделан в Сирии, а его посвятителем был сириец, — имя Пелагий было распространено в Сирии и неоднократно встречается на эпитафических памятниках в районе Хамы⁴⁷, его следует считать одним из наиболее характерных изделий сирийских серебряных дел мастеров.

Приведенные данные показывают несостоятельность выводов, сделанных Э. Круиксханк Додд во второй части ее работы. Проведенный анализ ряда памятников говорит о деятельном участии сирийцев в разработке иконографии и стиля византийского искусства и о том, что их роль была значительной и для VI в.

В целом надо отметить, что книга Э. Круиксханк Додд ценна как работа, вводящая в научный оборот целый ряд новых памятников ранневизантийской торевтики, но неубедительна в той ее части, где автор делает далеко идущие выводы, привлекая ограниченный материал и произвольно толкуя его данные.

В. Н. Залеская

---

⁴⁷ *Jalabert L., Mouterde R. Op. cit., № 2016, N 2030; Abdul Hak S. Op. cit., p. 69, N 12.*